

Вячеслав
ЧИРКИН

г. Котлас

Третья

молодость

рассказ

Горьков нашей бабке Александре не так уж и много: «Люди и дольше меня живут!» Так, по крайней мере, она сама о себе скромненько сообщает, не называя года рождения.

Оно и вправду: раньше-то Александре помирать недосуг было: молодой — на сторону гульнуть, хвостом крутнуть любила, в зрелом замужестве — детей растила, а к старости муж, что сильным полом считался, телом ослабел и на полное бабье иждивение сел. Как беспомощного старика сиротой оставишь? Так незаметно и дотянула бабка до восьмидесяти лет с гаком.

Но хворый дед оскользнулся в ранневесенний гололёд, хряснулся нетрезвой головой о каменно-крепкий лёд и богу душу отдал. Да так скоро свершилось дело — Александра охнуть не успела, как круглой вдовой осталась.

Хоронили покойного в тот же гололёд и с великим трудом гроб к могиле доставили. Такая скользота образовалась — прямо ужас! Кто на похоронах в коленках слаб был и на ногах худо держался — не раз вверх сапогами взбрыкивал и чер-

тыхался сквозь зубы: «Нашёл время, когда помирать, старый... хрыч...»

Чуткая Александра всё это слышала и на ус мотала, а как с кладбища домой воротились, вдруг решительно и принародно объявила — никто за язык не тянул:

— Всё! Окончилась моя жизненная программа и всякие общественные обязательства: сама, кого хотела, власть полюбить успела, кучу законнорожденных детей к жизни приспособила, внуков вынянчила, правнуков потешкала — пора и честь знать, спокойно умирать. Но только в такую пакостную погоду я, хоть убейте, помирать не стану! Не хочу, чтобы люди себе рёбра ломали и меня худым словом поминали. А вот развиднеется-распогодится, тогда уж, соседуски добрые, милости прошу на мои последние проводы!

Изрекла такое Александра и голосом не дрогнула, слезинкой щеки не окропила. Вот ведь кремень бабка!..

Вгорячах ли такое старушка ляпнула или ради хвастовства громким словом брякнула — не в том солёная суть. Но известно: «Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь...»

Ну, пока на девятый да на сороковой дни поминки по усопшему справляли, никто бабке претензий относительно её ещё живой жизни не предъявлял. Некоторые люди те её обеща-

тельные слова совсем забыли, другие — за шутку посчитали. Ан не все, как оказалось...

Жил в той деревне и дед-долгожитель, в молодости Александрин ухаждёр, а может, любовник — кто их знает. Его при крещении Аркадием назвали. Так мужик как мужик: и собою видный, и лицом приятный, но с речевым изъяном: букву «р» долго не выговаривал. И выпить не дурак был.

Про себя под хмельком так говаривал: «Я ходить, говорить, пить и курить одновременно начал». От этих сложенных вместе причин ему прозвище образовалось, по-русски точное, по-деревенски меткое: «Алкашка». Так вот, встречает этот... Алкашка тем же летом Александру и самым прямым образом заявляет:

— Ну что, Лександра, погода вроде наладилась: не сыро, не склизко, не жарко, не холодно. Не пора тебе собираться к деду под сосны? Как сама обещала. А уж мы с друзьями в твою долгую память и доброе здоровье на поминках рюмку с горькой по кругу пустим, речь красивую толкнем...

Шмыгнула Лександра носом, глазом по сторонам стрельнула и отвечает с большим смущением:

— Ну что ты, Алкашенька!.. Посмотри, какая поверх земли теплынь и благодать разлита! Разве не грех в такую чудную погоду тебя и добрых людей от дел отрывать, грустить, плакать вынуждать? Да и я, признаться, после мужниных похорон будто третью молодость раскубырила: пенсию получу — и ни тебе трудных забот, ни бывлых хлопот! Вольна, как птичка божья! Обожду помирать до осени, а там видно будет. Да ты проходи в избу: зять на днях проведать заходил, так после него в бутылке маленько осталось. Выпьешь, поправишь голову...

Опохмелился хитрый Аркашка и отстал до времени.

Красное лето птицей пролетело! Незаметно хмурая осень ранними сумерками наполнила, мокреть, слякоть развела. Собаки — в конуру, люди — по домам, как суслики по норам, запрятались. Поймал баламут Аркашка у колодца Александру и опять своё гнёт, опомниться не даёт:

— Ну как, бабка, надумала помирать? Народ нынче от уборочных хлопот высвободился, по домам сидит, скучает и на твои похороны, как на

праздник, дружно выйдет! И земляца ещё не смёрзлая. Если добрый магарыч загодя поставишь — мужики в момент уютную квартирку вымахнут! Сама сможешь проверить.

Жмётся Александра бочком, кутается зябко в пуховый платок, плечиком брезгливо дёрнулась, сухонькой ручкой в дужку ведёрка вцепилась и выкручивается теперь в открытую:

— Ты, Аркадий, коль свою совесть в вине утопил и табачищем прокоптил, дак, думаешь, и я бесстыдницей стала? Да в такую гнилую погоду до ветру из дома выходить неохота, не то что на чужие похороны! Кто ж меня, старую, провожать пойдёт? И сама я насквозь вымокну, лежа в открытом гробу. А кому охота нескончаемый век мокрой курицей в земле преть? Нет, мне не к спеху. Обожду сухого предзимья.

...Вот и чистюля-зима белым пухом на землю пала, грубыми валенками заскрипела. Мороз русский в одночасье трахнул, стёкла узорами заморочил. Сонные избы стоячими дымами в низкое небо упёрлись. Счастливая ребятня с санками под угором от восторга визжит и хохочет. Наша бабка сидит себе на мягком диванчике возле тёплой печки у телевизора, сладкую карамельку в беззубом рту перекатывает, очередной любовный сериал посматривает.

И тут по-деревенски, без стука, чуть хмельной Аркашка вваливается и прямо от порога заявляет, а у самого на лукавой роже счастливая ухмылка до ушей, будто он в снегу непочатые пол-литра водки нашёл:

— Привет, Лександра! Пришёл обрадовать: погода, видать, надолго устоялась: мороз не велик, солнце не яркое — глаз слепить не будет. Метели тоже нет. А главное — земля не шибко закаленела, могилку копать сподручно будет. Так что решай насчёт давно обещанной смерти. Что на этот раз скажешь?..

Засмеялась Александра, и от глаз, как от солнышка, морщинки-лучики во все стороны разбежались. И что удивительно, от доброты той улыбочатой лицо не постарело, а похорошело.

Не стала хозяйка с гостем хитрить да перепираться, сразу зашла за ситцевую занавеску, свою вечно початую бутылку достала, питейную посуду выставила, солёные огурцы, отварную картошку выложила, хлеб из чистого полотенца выпростала — вот и стол готов!

Своей рукой Александра озорнику гранёную рюмку доверху наполнила, себе — на доньшко капнула. Подняли, стукнулись, здоровья друг другу пожелали.

Первую — за себя выпили, второй — усопших помянули. Взгрустнули, захмелели старики. Да много ли им надо?.. Рассиделись, песню молодости затянули, в воспоминания ударились — так и вечер пролетел.

Уходя, дед Аркадий не стал задевать большое бабкино место — её «смертельное» обещание.

Туда-сюда, глядишь, зима к весне вплотную скатилась. Солнце веселей, ласковой стало, в сосульных каплях бойкой искрой заиграло, музыкальной каплей в пристенных лужицах заплясало, тёплым ветром душу опохнуло, небесную синеву ввысь подняло, хмурый горизонт вдаль отодвинуло. Распевчие птицы домой возвратились, любовью увлеклись, постройкой гнезда занялись, о потомстве захлопотали.

Вот в такой жизненный момент укараулил шебутной дед Аркашка бабку Алексашку, прижал, как бывало в молодости, у огородных прясел и давай всякие веские доводы к сиюминутной смерти приводить, выполнения обещанного обещания требовать.

Взорвалась пылким гневом Лександра:

— Ты что, старый пень, причепился на мою голову, как банный лист к одному месту?! Сам подумай, спохмельная твоя башка: осень костоломную мы перетерпели, хваткие морозы в тепле пересидели, весну-переменщицу переждём, а

там опять лето-краса, голубые небеса наступит, с лазоревыми цветочками да вкусными грибочками, разными ягодками да берёзовыми тенёчками, когда всякая неразумная тварь теплу и свету радуется, не то что живой человек! А ты заладил одно, балаболка неугомонная: «Помирай да помирай!..» Отпусти, охальник, пока люди не увидели, не то тресну клюкой по лысой макушке — самого вперёд ногами понесут!..

— Ну, ты и в старости такая же резинщица да обманщица, Лександра! — ошелел от женского упрямства Аркадий. — А если я прямо сейчас на кладбище схожу и твоему Егорке доложу, как ты от свидания с ним отлыниваешь? Уж муж-то тебе на том свете седые кудри расчесет!.. — пригрозил он, намекая на частые семейные разборки супруга с Александрой.

— Сходи, сходи, ябедник... Давно пора бывшего собутыльника проведать. Да погоди чуток: у меня, кажись, в бутылочке маленько налито осталось. Прихватишь на кладбище. Там с ним на могилке и выпьете...

...Ну и что вы думаете: померли Алкашка с Лексашкой? И не собираются!

Бабушка Александра каждый раз смерть с весны на осень переносит, с зимы на лето откладывает, а от настырного Аркадия рюмкой водки откупается.

И так ясно: жизнь человеку один раз даётся и если есть на неё Божье повеление и доброе настроение, она и старому не в тягость, а в радость!

□

Вячеслав Павлович ЧИРКИН

родился в 1937 году в городе Ачикулаке Дагестанской АССР.

Прозаик, его произведения адресованы детям и взрослым.

Автор более двух десятков книг, в числе которых

«Сладкоежка и Дымовой» (1997), «Тошка, собачкин сын» (2011),

«Брыкадил» (2008), «Размороженные воробьи» (2009),

«Поздний роман» (2016), «Берегите женщину» (2016),

«Северные были» (2016) и др.

За книгу «По злой воле» в Яренске получил звание «Человек года» (2000).

Член Союза писателей России.

Живёт в Котласе.

В журнале «Север» публикуется впервые.

